

1982 год

У нас в паспортах так и записано. У меня: «Недоносок», а у нее: «Пенно-рожденная».

Если б Господь меня спросил, каким знаком препинания я — потом — хотел бы стать, я б сказал: тирем.

В. Короленко называл из всех национализмов украинский самым бутафорским.

Набокову импонировало в Ходасевиче «высокое качество его язвительности».

То, о чем мечтал Флорбер:
«Написать книгу, которая бы держалась исключ^итель^{но} на внутреннем достоинстве стиля».

Набоков: «Стендаль, Бальзак и Золя — три гадких посредственности».



В «Современнике», где были помещены рассказы Ник. Ник. Толстого, старшего брата Льва, так и написано рецензентом Некрасовым: «Рука Николая Толстого тверже владеет пером (языком), чем рука его брата».

У Бабеля: «Угореть от утюга может всякий, но быть хорошим человеком — это не всякий может».

«Юз Алешк^{овский}»:
— Нельзя облегчать отчаяние алкоголем. Страдания должны быть чистыми...

На мне все-таки не узда, а недоудок.

И даже единицы измерения в Калевале мои. «Пасть ее в шесть водопавов» (о щучке).

Это про меня, мартовского, «поэт жаркого сердца Лариса Васильева» сказала:

О единицах измерения. Ядовитость измерять в вольтерах.

Пригожих людей не люблю, окаянные мне по вкусу.

Повышение цен на минеральные воды, бенгальские огни и медные трубы.

Плыть только по рекам, текущим к северу. Фи, этот юг, тьфу, эта Ницца.

Марк Твен: «Давайте жить так, чтобы даже гробовщик оплакивал вашу кончину».

1983 год

А вы, друзья, как ни садитесь, все в диссиденты не годитесь.

Вот Виктор Боков утверждает в стихах, что он пьет только «майские росы».

А не начать ли мне по этому пово-

Надломлены мои мечты, как говорил Валера Брюсов.

Прежде у меня были в ходу глаголы «перебрать, поддать, а теперь — перекусить, подкрепиться».

Есть чрезвычайность в этих писаниях и речах, но нет полномочности.

Я тучен душою. Мне нужны средства для похудания: ничегонеделание, сужение интересов и пр.

Языков: «самые галиматисты».

Это было еще в те времена, когда нельзя было рифмовать такое поэтически близкое, как «преступник» — «пристукнет».

Душою надо полнеть, девки, а не телесами. Поэт Алексей Кольцов, от чего-то там отказываясь, говорил: «От этого душа не пополнеет».

Я как стакан, хрупок и тонкостенен. Я многогранен, как стакан.

Что бы языческого мы ни вытворяли, «душа наша христианка» (Тертулиан).

Пенная Цветаева и степенная Ахматова.

Может, ты и Державина будешь называть Гавриилом?

У них содержательные, осмысленные глаза и действующие лица.

1985 год

Недурно бы вспомнить. Лепта = 1/100 драхмы. В таланте 6000 драхм. Итак, 600 000 лепт составляют талант.

У Сартра очень лихо: «Существование другого — это недопустимый скандал».

В последние свои годы Гюго всерьез предполагал возможность переименования Парижа в Гюгополис.

Как гов^{орил} Карамзин, «вижу опасность, но еще не вижу погибели».

И вообще: что значит «последнее слово». Мы живем в мире, где следует произносить слова так, будто они — последние. Остальные слова — не в счет.

Я попросил Господа Бога сделать ну хоть на полтора градуса теплее обычного. Он ничего твердого мне не обещал.

Вот что значит — кончился славный V век до Р. Х. Уже в первый год следующего века (399) был приговорен к вышке 70-летний Сократ.

Демоны не громыхают, они говорят вкрадчивыми голосами. Грохочут только ангелы Господни.

1986 год

В тюрьму посадили. «За разнообразие интонации».

Горький тоже иногда полисывал (лукавые) стишки, вроде (Сорренто):
В воде без видимого повода
Плеснулся язь.
А на плече моем два овода
Вступили в связь.

Кто хочет, тот допьется.

Стыд за другого Ходасевич называл «гипертрофией чувства ответственности».

И Марк Твен сказал: «Быть хорошим — это очень изнашивает человека».

1987 год

Пойду искать по свету,
Где оскорбленному
есть чувству коньячок.

Наказать ее надо — за плюрализм, волюнтаризм и панмонголизм.

Для чего нам референдумы и митинги, когда мы гиперборей и викинги?

Венедикт Ерофеев: «Я такой тощенький. Похож я на прожиточный минимум?»

Наб^{оков} и Гоголь. «То, что для Гоголя было грехом, т. е. унижением души и оскорблением Бога, для Набокова — преступлением против худ^ожественного вкуса». Не им-морально, а антиэстетично.

Сологуб об Алекс^{ее} Толстом: «Алешка Толстой брюхом талантлив».

О тиражности. Все рекорды опрокинул в конце 18 в. Гаврила Державин. Его ода «На взятие Измаила» отпечат^{ана} в несль^{занном} кол^ичест^{ве}: 3 тыс^{ячи} экземпляров.

Вскоре после смерти писателя издательство «Интербук» объявило, что «собирается печатать дневники Венедикта Ерофеева»... Так и не напечатали. И, наверное, это правильно. Кроме того, что подобная работа непростая и нуждается, как: минимум, в специальных и серьезных комментариях, раскладывание по полочкам личной жизни писателя — дело будничное, а для близких его уход и сегодня, два года спустя, все еще огромная трагедия.

Даниэль Дефо, еще будучи публицистом и только, в доробинзоновские времена выступил с ехидным памфлетом под названием «Кратчайший способ расправы с диссидентами».

Наб^{оков} постоянно наз^{ывал} себя «закоренелым язычником».

Душа, захламленная дребеденью.

А Бог теперь только тем и занят, что метит великих шельм.

И равнодушием наказан
Сильнее, чем грешники костром.

Я еще не окончательный и обжалованью подлежу.

Мы очень разных воззрений люди, но таким образом, что меж нами ничто не рождает споров да и к размышлениям не влечет.

«Солнце всходит! Солнце всходит!» (А. Майков)
«Солнце всходит и заходит» (М. Горький)

Пастернак, после беседы с Ахматовой: «А может быть, она и права: «Я совершенно не люблю правых людей...»

Все испан^{ские} города, ко^{торые} он знает — Малага, Мадера и Херес. А Мадрид выдумали Илья Эренбург и Мате Залка. Не было никакого Мадрида и нету.

Кто твой самый любимый певец? — Демьян Бедный, «певец пролет^{арской} рев^{олюц}ии».

По утрам он вставал, как проклятым заклеянный. Он подымался, как доход на душу населения.

ду «кампанию гражданского неповиновения»?

Измерять расстояния в таких, на-прим^{ер}, единицах: в шагах командора.

Непригожие, отхожие слова.

Двойною рифмой оперенный стих. Тройным одеколоном окрыленный.

1984 год

По радио слушать только синоп^{тиков} и только о влажности.

А как пойдешь в гости, возьми с собой что-нибудь искрометное. Меня, например.

Салтыков-Щедрин придумал слово «мягкотельный».

И сколько бы и чего ты с ними выпил? По стакану наливки с (как звать?) Обломовым, с Печориным шампанского.

Вот как просто. Инна Кашежева:

Врач выслушал больного
и выписал рецепт.
Теперь за вами слово,
товарищ фармацевт.

В первых числах июня я ехала в троллейбусе по Тверской, и трое молодых людей, шумно обсуждавших предстоящую прогулку в Серебряный бор, подарили мне букетик ландышей. Просто так, по причине хорошего настроения. На мои робкие протесты ответили: «Это от чистого сердца». Согласитесь, нынче редки подарки просто так, «от чистого сердца».

Не знаю уж, каким образом, но этот эпизод у меня совершенно естественно вписался в материал, над которым работала, — о записных книжках Венедикта Ерофеева. Их предоставила мне вдова писателя Галина Ерофеева — тоже просто так, от чистого сердца, хотя, видит Бог ей гораздо выгоднее было опубликовать записные книжки там, где платят полновесными деньгами и куда сам Венедикт Васильевич так и не попал, даже на лечение, ибо ОВИР был на страже неусыпно. Ерофеев, возможно, сказал бы об этом: «Душа все чувствует, но предсказать не может».

Осенью 1988 года, давая мне интервью для «ЛГ», он говорил, что стол его забит черновиками, что у него есть куча идей, рассыпанных в записных книжках и до сих пор не реализованных. После смерти писателя кое-что из черновиков напечатано, о самом Ерофееве вышло немало статей. Но почти нетронутыми остались тридцать с лишним записных книжек и блокнотов, заполненных молчаливым почерком и разноцветными чернилами. Цитаты из разных авторов — одним цветом, собственные конструкции и заготовки к пьесам и прозе — другим, события прошедшего дня — третьим. Ерофеев писал аккуратно и безупречно — всю свою жизнь, ничего не скрывая, ни плохого, ни очень плохого, он заносил в блокнот и автобиографические сведения, и штрихи к будущим произведениям, и подробные отчеты о погоде, о цветах, которые выражал на балконе...

Я уже знаю, что самое любимое время для Венечки (как он сам себя называл) — весна, весной он оживал. Причем это обозначало у него как характеристику времени года, так и состояние его духа. Где-то в январе мог сделать запись: «Первый день весны...»

«Меня спрашивают, почему я люблю цветы и птичек. Цветы я люблю за хорошие манеры, а птичек — за склонность к моногамии» (1984). Или: «Меня стирали и перекручивали в конце августа — начале сентября, потом первую половину сентября полоскали. Теперь я вывешен на просушку» (1982). А вот еще: «Чем я занят в свободное время? Высеваю цветы, строю далеко идущие планы относительно АСЕАНа, муссирую миф о советской угрозе» (1984).

Он много цитировал — писателей, ученых, официальные документы, почему-либо ему необходимые, некоторые записи комментировал одним-двумя словами. И при этом любил ссылаться на «кого-то из наших журналистов-остраков»: «У живущих в мире цитат череп наполнен кавычками».

Как-то в конце 60-х Ерофеев встретил своего одноклассника, и тот ему заявил: «Когда я стану крупным начальником, ты, Ерофеев, будешь лежать под заборами, и я со своим дипломатом пройду вдоль тебя и сплуню».

— Ну нельзя же себя так паскудно вести на этом свете, — сокрушался Ерофеев.

— И что, — спросила я, — стал он большим начальником?

— В том-то и дело, что его до сих пор никто не знает.

К концу 80-х Ерофеев, до того широко известный читающей публике по поэме «Москва — Петушки», изданной на Западе и бродившей по рукам в СССР, вдруг оказался в центре внимания и газетчиков, и телевизионщиков, и издателей, которые толклись теперь в доме почти ежедневно. Мода на Ерофеева росла обратно пропорционально его здоровью. Смертельно больной,

* АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

Ирина ТОСУНЯН